

Валерия Чернованова

ИЗБРАННИЦА СТРАЖА МГЛЫ
ИЗБРАННИЦА СТРАЖА МГЛЫ. ЦВЕТОК ИЗ ПЛАМЕНИ

В соавторстве с Мариной Эльденберт
МЕЖМИРОВАЯ няня, ИЛИ АЛМАЗНЫЙ КОРОЛЬ И Я

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерия Чернованова

Избранница стража мглы.

ЦВЕТOK ИЗ ПЛАМЕНИ

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2019
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-49

Серия основана в 2011 году
Выпуск 459

Художник
Е. Никольская

Чернованова В. М.

Ч-49 Избранница стража мглы. Цветок из пламени: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 282 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2919-6

Еще совсем недавно я была пустышкой. Девушкой без магического дара и надежды создать семью. А теперь у меня есть муж, которого одновременно люблю и ненавижу. И магическая сила, которую даже не чаяла обрести.

Жаль, это не единственные перемены в жизни... В королевстве пробуждаются темные силы, при дворе устраиваются заговоры и плетутся интриги. А мы с маркизом как-то незаметно оказываемся в эпицентре всех волнующих событий.

И если для девушки из провинции такие испытания были бы не по силам, то новая Александрина непременно выстоит. Назло всем демонам, врагам и завистникам!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Чернованова В. М., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2919-6

ПРОЛОГ

— Ваша светлость, — низко кланялись слуги, приветствуя герцогиню д'Альбре.

Серен шла, высоко подняв голову, наслаждаясь раболепным почтением, которое оказывала ей прислуга. Слыша, как шуршат, лаская слух, юбки ее роскошного наряда из изумрудной тафты. Ощущая тяжесть золотых подвесок, сверкавших на солнце. Задумчиво перебирая изящными пальчиками драгоценные аграфы, коими были заколоты полы ее верхнего платья.

Несомненно, новая оболочка была недурна, и чародейка даже готова была с ней свыкнуться. Если бы к смазливой мордашке Опаль и немалому состоянию д'Альбре прилагалась еще и дарованная ей Единой сила. А так... она превратилась в посредственную магичку, стихией которой был воздух.

Серен не собиралась влачить бесполезное существование, вполне устраивавшее Опаль.

Из жены бесстрашного стража в супруги недалекого толстяка? Из первой красавицы Вальхейма, которую боготворило все королевство, в симпатичную, но мало чем примечательную кокетку?

Нет! Не для того она умирала, чтобы воскреснуть в ничемном теле. И уж тем более без силы морров ей не занять достойного места в новом мире, который создавал ее покровитель.

Сад наполнился щебетом птиц и журчанием фонтанов, ароматом цветов, медово-сладким, отчего у герцогини слегка кружилась голова. А может, причиной тому было осознание

того, что она наконец ожила. И если бы не досадная ошибка, сейчас Серен могла бы в полной мере наслаждаться новой жизнью.

Заметив в глубине сада беседку, густо увитую лозой, женщина замедлила шаг. Его высокопреосвященство любил трапезничать в одиночестве, и, наверное, ей следовало обождать, не тревожить его в данный момент. Но поворачивать назад было поздно: кардинал заметил ее и жестом подозвал к себе.

Приблизившись к служителю Единой, герцогиня опустилась в низком реверансе, коснувшись поцелуем холеной кисти, унизированной перстнями, и не поднимала глаз, пока не услышала тихий, лишенный эмоциональной окраски голос:

— Правду говорят, судьба коварна и непредсказуема. Когда-то давно я прочил вас в жены моему сыну, но вы выбрали маркиза. И вот сейчас вы являетесь ко мне в качестве невестки. Забавно получилось, не правда ли?

От досады Серен едва не заскрежетала зубами. В отличие от кардинала Бофремона, растягивающего губы в улыбке, новоиспеченной герцогине д'Альбре было не до веселья. Ее чуть не вывернуло наизнанку, когда с утра она обнаружила бастарда его высокопреосвященства в собственной спальне в одном шлафроке и ночном колпаке. А уж когда эта туша попыталась облизнуть ей губы поцелуем... Обладая Серен огненной силой, мигом превратила бы «муженька» в головешку.

— Да, судьба та еще шутница, — вынуждена была согласиться ее светлость. Повинуясь очередному безмолвному приказу, села за стол напротив прелата и приняла из его рук хрустальный кубок, наполненный золотистым вином, пронизанным лучами яркого летнего солнца.

— Рад, что ты вернулась, — тихо промолвил мужчина и пригубил немного вина из своего кубка. С невозмутимым видом продолжал, подкладывая себе в тарелку пирожные на меду: — Признаюсь, я много раз пожалел о том, что уступил уговорам графа де Вержи. Не следовало соглашаться на этот союз. Эта ревнивая девица чуть не погубила маркиза, когда он был нам так нужен. Подбила Кретьяна вызвать стража на дуэль. Идиотка, — флегматично припечатал его высокопре-

освященство. — И даже после того как я велел Опаль сидеть дома, она ухитрилась вмешаться в наши планы. И вот ты здесь, а сила твоя теперь принадлежит другой.

— Это ненадолго, — проглотив насмешку, сквозившую в голосе кардинала, процедила молодая женщина.

— Как думаешь возвращать свое наследие? — промокнув губы салфеткой, осведомился негласный правитель Вальхейма. Откинувшись на спинку стула, принялся оглаживать редкую с проседью бородку, пристально глядя на свою собеседницу. — Добровольно маркиза с ним не расстанется. А без ее согласия тебе свою силу обратно не получить.

— Александрин — наивная провинциальная девочка. Глупышка, которую будет легко перехитрить, — самоуверенно усмехнулась Серен. — К тому же у меня имеется козырь — ее любимый муж. Заартачится — и Моран сразу умрет.

Некоторое время кардинал Бофремон молчал, гипнотизируя свою визави задумчивым взглядом. Потом, поднявшись из-за стола, поманил чародейку за собой. По узкой, посыпанной щебнем дорожке они направились вглубь парка, где в густых зарослях деревьев скрывались вольеры. Здесь не было слышно беззаботного птичьего щебетания и в воздухе витал не аромат цветов, а тошнотворный запах гниения, заставивший ее светлость поморщиться и прикрыть нос платком.

В тени, под густыми кронами, точно одичавшие звери, по клеткам жались одержимые. Изможденные, в лохмотьях, с безумными глазами, они то рычали, то скулили и с ненавистью и надеждой смотрели на своего мучителя.

Серен передернуло от отвращения. Не умри она тогда, и могла бы стать точно такой же. Обезумевшей, разлагающейся заживо, пожираемой изнутри ненасытной тварью — демоном.

— Ты ведь понимаешь, — с любовью оглядывая свой «зверинец», сказал кардинал Бофремон, — для того чтобы вернуть старый порядок, мне потребуются самые сильные маги королевства. Настала пора моррам возродиться. А слабым колдунам, вроде их величеств, — кануть в Лету. Серен, твоя сила — вот что делало тебя особенной. Ты должна была стать

королевой нового королевства. Но без наследия морров, увы, будешь для меня бесполезна. Разберись со своей кузиной. Да поскорее. Но даже если не вернешь силу, — обернувшись, кардинал приблизился к бледной от напряжения женщине, отеческим поцелуем коснулся ее лба, — знай, ты всегда будешь желанной гостьей в моем доме. В качестве невестки, конечно же. А теперь иди. Уверен, у той, которая только что воскресла из мертвых, имеется немало забот.

Опустившись в глубоком реверансе, герцогиня выпрямилась и, едва сдерживая клокочущую внутри ярость, вызванную насмешливым тоном кардинала и осознанием своего шаткого положения, заспешила обратно. Прочь от душераздирающих стонов, невыносимого зловония и атмосферы безысходности, нависшей над этим местом.

— И да, Серен, — окликнул ее Бофремон, заставив остановиться, — раз уж ты застряла в этом теле, будь поласковей с моим сыном. И даже не думай о том, чтобы стать вдовой. — Голос сочился медом, но за этой напускной лаской, герцогиня чувствовала, скрывалась угроза. — Лучше позаботься о том, чтобы у рода д'Альбре наконец появился наследник.

Зажмурившись на миг, ее светлость ускорила шаг, мысленно проклиная Морана за то, что полюбил другую. Берзэ — за то, что посмела так непростительно ошибиться. Заодно вспомнила и свою кузину, которой достался и красавец-муж, и ее имя. А главное — ее сила!

Которую Серен поклялась во что бы то ни стало себе вернуть.

ГЛАВА 1

Учиться, учиться и еще раз учиться. Именно этим наказал мне заняться мэтр Легран, отбывая утром в королевский дворец. Уже второй день мой спаситель пытался добиться аудиенции у Люстона XIV, дабы рассказать его величеству о коварных планах стража, моего несостоявшегося убийцы и по совместительству мужа.

Фальшивого мужа. По-другому его и не назовешь, ведь наш брак изначально был всего лишь фарсом. Фатальной ошибкой, которая чуть не стоила мне жизни.

И пока мэтр Легран терпеливо обивал пороги Анфальма, я сидела в кабинете мага, отгородившись от окружающего мира стопками книг. Первое, что должна буду освоить, сказал колдун, — это контроль над огненной стихией, самой непокорной из всех, что создала Единая.

Подружиться с магией в моем возрасте задача не из легких. Но, как говорится, терпение и труд все перетрут. Я бы с удовольствием посвятила себя непрошеному подарку злодейки-кузины, да только о какой концентрации может идти речь, когда меня на кусочки разрывают противоречивые чувства?

Ненависть к Опаль. Всепоглощающая ярость, что вспыхивала всякий раз, стоило подумать о страже. А думала я об этом мерзавце постоянно. Никак не получалось выбросить его из головы. Вот упрячут бессердечного колдуна в Фор-Левек — крепость, в которой томятся самые опасные преступники королевства, — тогда успокоюсь.

А пока... Какое тут чтение, когда, несмотря ни на что, я все равно о нем тревожусь. Главное, чтобы был жив. А там уже

пусть судят его по всей строгости закона. Вместе с желтозубой каргой, сообщницей Серен.

Перелистнув очередную страницу, устало откинулась на спинку кресла. Прикрыла глаза, с грустью понимая, что в памяти не сохранилось ни строчки из того, что только что прочитала. И вряд ли от дальнейшей медитации над учебниками будет какой-то толк. Пока не узнаю, что с ним произошло, не найду себе места.

Мэтр Легран настоятельно советовал не высовывать на улицу даже носа. Сидеть в его кресле, корпеть над его талмудами и не думать о том, чтобы возвратиться в отель Ла Рийер, который я еще недавно по ошибке считала своим домом.

Вот только мало приятного в том, чтобы чувствовать себя беспомощной и бесполезной. Пока я здесь вроде как учусь, отсиживаюсь трусливо, Моран пропадает неизвестно где, а Опаль упивается своей безнаказанностью и наверняка строит новые козни.

Небось решила, что ей все сойдет с рук. К сожалению, по словам мэтра, предъявить обвинения невестке кардинала Бофремона, главного министра его величества, будет непросто. Это почти то же самое, что попытаться арестовать, ну, скажем, принцессу крови. Поговаривают, его высокопреосвященство обладает большей властью, чем сам король. Сомнительно, что он допустит даже косой взгляд в сторону его семьи, тем более обвинение в преступлении.

Но я сама себя не прощу, если буду сидеть сложа руки и позволю этой гарпии продолжать ее грязные игры.

Не способная усидеть на месте, чувствуя себя зверьком на привязи, я подскочила с кресла. Написала мэтру Леграну короткую записку, в которой извинилась за то, что вынуждена была покинуть его гостеприимный дом. Попросила держать меня в курсе поисков мужа. Потом, зачеркнув слово «муж», заменила его нейтральным «маркиз», придала листок тяжелым пресс-папье в виде бронзового скарабея и поспешила вниз — просить прислугу заложить беглянке карету.

Тогда еще не представляла, как поступлю, но точно знала, что бездействовать больше не буду. Не буду безвольно плыть по течению, а сама позабочусь о своей судьбе. Заодно

и о судьбе одной сероглазой змеи, раз в темницу герцогиню упечь не получится.

Но сначала разыщу этого предателя де Шалона.

Вот с таким воинственным настроем я отправилась в дом маркиза, в котором на меня, точно оголодавшая свора, набросились с расспросами слуги. Бедняги не находили себе места из-за нашего с мессиром отсутствия. Отделавшись пространными объяснениями, велела Мадлен помочь мне переодеться.

Пока девушка колдовала над моей прической, украшая скотлые на затылке кудри жемчужной нитью, я просматривала накопившуюся за последние дни корреспонденцию. Обычно этим занимался Моран, но раз уж маркизу не до того... Сердце предательски сжалось. Обозлившись на себя за мягкотелость, нервно скомкала и бросила на столик очередное приглашение на бал. За ним еще и еще, пока не добралась до последнего послания, скрепленного печатью из красного сургуча.

Письмо было от... ее величества королевы.

— Ах! — восторженно выдохнула Мадлен, не сумевшая отказать себе в удовольствии и вместе со мной пробежавшая взглядом по строчкам. — Это же такая честь! Ваша светлость, я так за вас рада!

А вот я за себя нисколько.

Устало вздохнула, откладывая в сторону монаршее послание. Только назначения во фрейлины мне сейчас не хватало.

Закончив взбивать мне волосы у висков, Мадлен заботливо расправила складки моего муслинового, винного цвета платья и полюбопытствовала:

— Ваша светлость изволит отправиться на прогулку?

Я вскинула взгляд. В зеркале отражалась статная черноволосая девица с плотно сжатыми губами и ярко-зелеными глазами, в которых читалась отчаянная решимость.

— Нет. Хочу навестить одну старую знакомую. Герцогиню д'Альбре.

Для похода к больной на всю голову стерве было отобрано два бугая из слуг, которых я настоятельно попросила сохранять на лицах зверское выражение на протяжении всей

поездки. Охрана лишней не будет. Конечно, сомнительно, что ее чокнутая светлость набросится на меня посреди бела дня, в своем собственном доме, на глазах у челяди. Но так я чувствовала себя спокойней.

Интересно, Опаль уже в курсе, что я осталась жива, а ее мордovorотов скоро вздернут на виселицу? Если нет, будет герцогине сюрприз. Если да — я все равно обязана с ней встретиться. Пусть знает, что нажила в моем лице заклЯтого, непримиримого врага.

Дворец д'Альбре из розового кирпича, такого же розового, как закатное небо, пронзенное шпилями округлых башен, возвышался на вершине холма. У ворот нас встречали швейцары с алебардами наперевес. Оба были одеты в короткие куртки и ренгравы — широкие, по последней моде, штаны с буфами.

Поинтересовавшись моим титулом и получив исчерпывающий ответ, стражники расступились. Карета покатила к парадному входу дворца, возле которого мою светлость уже поджидал мажордом. Не переставая лебезить и кланяться, слуга предложил следовать за ним по длинной анфиладе, чуть тронутой лучами заходящего солнца.

Герцогиня коротала время за самолюбованием. Стоя возле стены, представлявшей собой одно сплошное зеркало, по краям которого серебрился замысловатый орнамент, Опаль придирчиво, я бы даже сказала с каким-то педантизмом, рассматривала свое отражение, словно видела его впервые в жизни. А заметив в зеркальной глади меня, вздрогнула и резко обернулась.

— Как неожиданно, — жеманно удивилась д'Альбре. Постаралась растянуть губы в улыбке, но у нее это вышло плохо. — Вы — и у меня в гостях. Да еще с такой колоритной свитой, — стрельнула по моим спутникам настороженным взглядом, после чего нетерпеливо поинтересовалась: — Зачем пожаловали?

Еще и спрашивает? Явно не в бильбоке играть.

«А расчертить с помощью твоей головы зеркало трещинами», — мечтательно подумалось мне.

Вслух же, взяв себя в руки, сказала:

— За сатисфакцией.

— Какого рода? — еще больше насторожилась ее светлость.

Интересно, Опаль правда думает, что, если будет прикидываться дурочкой, все обойдется для нее без последствий?

Не желая ходить вокруг да около, как можно более холодно произнесла:

— Вы пытались убить меня и моего мужа. О котором уже два дня нет известий.

Жалкое подобие улыбки сползло с лица герцогини. Теперь оно выражало недоумение, но далеко не испуг, на который я рассчитывала.

А вот мне, несмотря на внешнюю невозмутимость, с каждым мгновением, что находилась рядом с д'Альбре, все труднее становилось себя сдерживать. Стоило подумать о том, что, возможно, из-за нее страж погиб, как тело охватывала дрожь и начинало болезненно сжиматься сердце.

Отправляясь к злопамятной стерве, думала, мне хватит выдержки. Но, кажется, я переоценила свои силы.

— Значит, вы обвиняете меня в покушении на вашу жизнь и похищении маркиза? — бесшумно ступая по темным треугольникам паркета, будничным тоном осведомилась ее светлость. — Интересно...

— Где он? — Помимо воли мой голос дрогнул, а руки сами сжались в кулаки.

— И как же вы поступите? — успешно делая вид, что не расслышала моего вопроса, бросила через плечо герцогиня. — Как накажете любимую невестку его высокопреосвященства?

Меня затопила ненависть, огнем обжегшая вены. Так и хотелось испепелить гадину на месте. Благо сила кухни все еще была мне не послушна, иначе бы Опаль действительно превратилась в жалкую кучку золы.

— Помчитесь ябедничать на меня их величествам? — продолжала подначивать меня д'Альбре. — А может, прибегните к какой-нибудь коварной хитрости, чтобы наказать обидчицу?

— Коварство и хитрость — это больше по вашей части, мадам. Я же предпочитаю играть в открытую.

— И что дальше? — усмехнувшись, заломила пшеничную бровь Опаль. Мерзавка явно чувствовала себя хозяйкой положения и, приходилось признать, имела на то право.

Судить ее никто не будет. В крайнем случае, желая избежать скандала, кардинал отошлет интриганку-невестку куда-нибудь подальше в провинцию. Так себе наказание...

Уж я-то им точно не удовлетворюсь. И так просто ей все с рук не спущу.

— Вы уже не раз пытались отомстить мне и Морану, и одна из ваших провальных попыток натолкнула меня на мысль...

— И что же такого широкомасштабного и беспроегрышного задумала наша бесстрашная Александрина? — сочась ядом, полюбопытствовала д'Альбре.

Еще пару месяцев назад столь дерзкая идея мне бы и в голову не пришла. Но с тех пор многое изменилось.

— Если уже завтра маркиза не будет дома, я вызову вас на поединок. — На сей раз голос звучал твердо. Не было в нем ни страха, ни сомнения.

Опаль спала с лица. Перестав расхаживать по зеркальной комнате, замерла, точно в камень обратилась.

— Не бойтесь, брать пример с вашего мужа и трусливо прятаться за спиной голема я не стану. Не лишу себя удовольствия уничтожить вас лично.

— Вы — против меня? — проговорила опешившая герцогиня.

— Воздушная стихия против огня, — кивнула ей с улыбкой.

— Значит, воспользуетесь силой, — задумчиво протянула д'Альбре и чему-то мрачно усмехнулась. — Думаете, справитесь?

— Ради вас — постараюсь, — заверила негодяйку. Не в силах больше находиться в одной комнате с женщиной, отдавшей меня на растерзание двум ублюдкам, отвернулась и, уже выходя из зала, громко повторила: — Верните мне мужа, Опаль. В противном случае ждите приглашения на собственную казнь.

День в сутолоке, среди таких же, как и он, жаждущих монаршей аудиенции, окончательно вымотал пожилого мэтра.

Маг был утомлен, испытывал досаду на короля, якобы занедужившего. На самом же деле болезнь была лишь предлогом, чтобы увильнуть от забот о подданных. А больше ни с кем о столь деликатном деле — аресте маркиза де Шалона — Легран говорить не смел. Только Люстон XIV имел право решать судьбу стража.

К вечеру галерея, что вела к тронному залу, опустела. Разочарованные просители уходили, чтобы завтра вернуться сюда вновь. Заложив руки за спину, погруженный в свои размышления, мэтр Легран не спеша вышагивал по пустынному помещению, объятому сумраком. Где-то в конце коридора раздражающе хлопала на сквозняке ставня, и скорбных ликов расставленных вдоль стен статуй касался лунный свет.

Уйдя в себя, маг не сразу обратил внимание на звук шагов, эхом разлетавшихся по сумеречной галерее. А когда оторвал взгляд от мысков своих некогда до блеска начищенных туфель, увидел перед собой долговязую фигуру в алой сутане. На груди у прелата мягко мерцал массивный золотой медальон — круг с заключенной в него четырехконечной звездой — знак Единой, щедро инкрустированный бриллиантами.

Чтобы встретиться со служителем богини взглядом, пожилому учителю пришлось задрать голову. Кардинал Бофремон был очень высок, а по сравнению с приземистым магом так и вовсе казался исполином. Худощавый, с благородными, не лишенными надменности чертами лица. Темными волосами, едва тронутыми сединой. Глубоко посаженными пронзительными, янтарного цвета глазами, выдававшими в нем мага огня, и крупным носом с горбинкой. Что придавало ему сходство с орлом.

Впрочем, его высокопреосвященство действительно являлся хищником. Бофремону едва исполнилось пятьдесят, его сила была в зените. Первый министр короля, его опора и главный советник. Которого больше заботила политика и назревающая с соседями, Илланским королевством, война, нежели духовное процветание Вальхейма.

Приблизившись к магу, служитель Единой проговорил:

— Уже второй день вы задерживаетесь во дворце допоздна, мэтр. Что-нибудь случилось в коллеже?

— Мне необходимо переговорить с его величеством, — наверное, в сотый раз за минувший день терпеливо повторил Легран.

— Переговорить о чем? Его величество в последние дни неважно себя чувствует, и неизвестно, когда ему станет лучше. Я как раз от него. Если что-то срочное, скажите мне. Завтра же после утренней молитвы я передам все королю.

Мэтр Легран молчал, не зная, как поступить. С одной стороны, неприязнь, которую он испытывал к этому жесткому, деспотичному человеку, железной рукой правящему всем королевством, отбивала всякое желание с ним откровенничать. С другой — во власти Бофремона было отправить солдат на поиски чародея и, предъявив тому обвинения, взять под стражу. Кого, как не Бофремона, лицо духовное, должно заботить то, что один из подданных короля собирается совершить богопротивное деяние и призвать душу, год назад расставшуюся с телом.

Телом, оскверненным демоном.

— Дело очень деликатное, — тяжело вздохнув, начал мэтр. — Касающееся его светлости маркиза де Шалона. Он обращался к запретному колдовству и намерен обратиться вновь. Чтобы возродить свою покойную жену. Есть доказательства.

Тень скользнула по бледному лицу прелата, черты лица его заострились, сделав Бофремона еще больше похожим на хищную птицу. Но он тут же взял себя в руки, спрятав истинные чувства под маской невозмутимости.

— Пройдемте со мной, мэтр. О таких вещах лучше говорить за закрытыми дверями кабинета.

ГЛАВА 2

Не сразу мне удалось успокоиться. Еще долго сердце гулко стучало в груди, и пальцы, теребившие пышное кружево манжеты, предательски дрожали. Как и голос, которым я отдала распоряжение: доставить меня к мэтру Леграну.

Глупо ли себя повела, пригрозив Опаль дуэлью? Возможно. Но так хотя бы удалось вытряхнуть мерзавку из кокона

безопасности, в котором она пряталась, точно гусеница. Такая же скользкая и противная. Пусть тоже попереживает и подергается.

Моран, конечно, не заслужил того, чтобы за него сражались и уж тем более рисковали жизнью. Жизнью, которую он намеревался у меня отнять. Но за себя, за то, что д'Альбре уже дважды пыталась отправить меня на тот свет, я обязана была поквитаться.

Как назло, учителя дома не оказалось. В коллеже стихий его тоже найти не удалось. Вместо снующих туда-сюда школьников меня встретил пустынный холл, а затем бесконечно длинная лестница, по которой я демон знает сколько поднималась, и запертая дверь кабинета, в которую долго стучала.

Не желая уходить с пустыми руками, заглянула в библиотеку, где застряла на добрую половину ночи, выискивая хоть какой-нибудь способ обнаружить стража. Что он погиб, отравленный сумасшедшей стервой, я верить отказывалась. Если бы Морана уже не было в живых, я бы это почувствовала. Не могла не почувствовать!

За несколько часов, что провела в библиотеке, просмотрела с дюжину книг. Но ни в одной, как назло, не нашлось хоть какой-то подсказки. Последний талмуд пролистывала уже на ослином упрямыстве, ни на что особо не надеясь. Глаза слипались, то и дело приходилось прикрывать рукой рот, не закрывающийся от зевоты, и тем не менее я продолжала пялиться на рукописные строчки и переворачивала страницу за страницей.

«Связующий ритуал» — темнело на последнем развороте. К тому моменту буквы уже расплывались и дергались, словно в каком-то припадке. Сказывалась не только усталость, но и потрясения минувших дней.

Долго вникала в смысл длинных витиеватых фраз, из которых лишь невероятным усилием сумела вычленить главное. Заклятие, приведенное в книге, если правильно поняла, должно было усилить связь между людьми, которых соединяли либо кровные, либо божественные узы брака. Что в теории позволило бы мне увидеть Морана.

Мы со стражем, увы, были связаны, а значит, можно попробовать. Благо какой-то ротозей оставил на столе черни-

льницу и несколько полуисписанных листков бумаги. Нацарапав на одном текст заклинания, пошатываясь от усталости точно пьяная, я по пустынному коридору побрела к выходу из коллежа. Кучер и стража мирно посапывали: первый на козлах, другие на запятках. Оказавшись в карете, я с наслаждением откинулась на мягкую спинку сиденья и, прикрыв глаза, тут же отключилась.

В себя пришла, уже когда подъезжали к дому. Заметив в окнах второго этажа свет, испуганно вздрогнула. Если это Моран вернулся... С одной стороны, мне хотелось его увидеть. Просто убедиться, что он жив-здоров. С другой — боялась жутко, потому как не знала, что страж может со мной сделать.

На что его чародейство готов пойти, чтобы вернуть свою драгоценную Серен? Горько усмехнулась. Как оказалось — на многое.

Стоило так подумать, как грудь пронзила острая боль. Которую я мысленно велела себе затолкать куда подальше и сосредоточиться на том, что сейчас действительно было важным.

По лестнице поднималась, затаив дыхание, из последних сил концентрируясь на заточенном внутри меня пламени. Огненная плеть змеей обвилась вокруг запястья. Если придется, с удовольствием хлестану ею мерзавца. Надеюсь только, пламя не погаснет в самый ответственный момент и при необходимости я сумею за себя постоять.

На цыпочках миновав коридор, приблизилась к двери, ведущей в мои покои. Именно в окнах моей спальни мелькали отблески света. Осторожно приоткрыла створку, готовая одновременно и защищаться и атаковать, чувствуя, как от напряжения дрожат колени, а пламя уже почти обжигает кожу, стремясь вырваться на волю.

Опомниться не успела, как огненный жгут, оплетающий запястье, сам потянулся к спящему на кровати человеку. К счастью, в последний момент успела усмирить своенравную стихию, заставив пламя растаять в воздухе легкими завитками дыма. Иначе бы напугала Мадлен до полусмерти. Это в лучшем случае.

Заслышав шаги, девушка осоловело посмотрела в мою сторону.

— Ты что здесь делаешь?

— Вас ждала, ваша светлость, — вскочила она с поспешностью. Присела в быстром реверансе и затараторила: — Сама не заметила, как уснула. Я так за вас беспокоилась! Вы два дня отсутствовали, а не успели вернуться, как снова пропали до поздней ночи. Его светлость так до сих пор и не объявился, — добавила, понуро опустив голову. — Раньше маркиз всегда предупреждал господина Шалюмо о своем отъезде. А в этот раз...

Гастон Шалюмо, преданный пес-дворецкий стража, казался, беспокоился даже больше моего. Словно это у него пропал муж. И не переставал демонстрировать свое волнение всем и каждому, заражая тревогой остальных слуг.

— Со мной все в порядке. С его светлостью тоже, — постаралась, чтобы голос звучал как можно убедительней. Заметив, что Мадлен собирается достать из шифоньерки сорочку, дабы помочь мне подготовиться ко сну, проговорила: — Я пока еще не ложусь. Принеси самого крепкого вина, какое у нас имеется. Да побольше. А также что-нибудь из личных вещей маркиза.

Теперь румяное лицо служанки выражало недоумение. Явно гадает, что на сей раз взбрело в голову чудаковатой хозяйке.

— Из вещей?

— Что-нибудь из одежды его светлости вполне подойдет.

Продолжая косить в мою сторону вопросительным взглядом, служанка отправилась выполнять приказание. А я стала готовиться к ритуалу. Передвинула поближе к стене кресла, чтобы не мешали. Поставила на пол подсвечники с оплавленными свечами, над которыми затрепетали ярко-желтые лепестки пламени, стоило только провести над ними руками.

Когда Мадлен вернулась, застала меня сидящей на коленях в окружении дюжины зажженных свечей. Дрожащую от волнения и отчаянно борющуюся с усталостью. Если верить книге, вино должно было помочь расслабиться и войти в транс. Главное, чтобы не поспособствовало моей отключке.

— Что-нибудь еще? — протягивая бутылку, оплетенную лозой, и шелковую рубашку, спросила девушка.

— Нет, на сегодня ты свободна.

— А может... — снедаемая любопытством, не торопилась она уходить.

— Мадлен! — отрубил строго, и любознательную как ветром сдуло.

Я осталась одна. Наедине со страхом, что ничего не получится, и надеждой, что моих способностей будет достаточно для успешного налаживания связи.

До краев наполнив бокал, в несколько глотков его осушила. Несмело коснулась шелковистой ткани, борясь с желанием схватить злосчастную рубашку и прижать к себе. Казалось, она все еще хранила тепло мужа, этого предателя. Его такой родной и некогда любимый запах. Способный воскресить непрошенные воспоминания.

Разозлившись на себя за мимолетную слабость, начала нараспев произносить слова заклинания, время от времени бросая взгляд на свои каракули. Пламя, будто только того и ожидало, сорвалось как безумное с кончиков пальцев, побежало по ткани, стремительно превращая ее в тлеющие лоскуты.

Произнеся последнюю фразу, замерла, сверля взглядом занавеску, колышущуюся на ветру. В унисон с ней трепетали огненные языки, точно оголодавшие псы, продолжавшие терзать рубашку.

Присутствия Морана я не чувствовала. Только головокружение усилилось и жар опалил щеки.

Не способная вздохнуть полной грудью, расшнуровала корсаж, убрала с лица волосы, влажные от испарины, и снова наполнила бокал. Буду пробовать, пока не увижу стража. Надеюсь только, он будет реальным, а не вызванной алкоголем галлюцинацией.

После второго бокала окружающая обстановка утратила четкость, а мое отражение в зеркале, стоявшем неподалеку, начало множиться. Завороженно глядя на пламя, дрожавшее над свечами, уже успевшими превратиться в огарки, я снова принялась за чтение заклинания.

Вторая попытка успехом тоже не увенчалась. Но я не собиралась сдаваться. С упрямством бубнила одно и то же, воскрешая в памяти образ коварного негодяя.

«Только вернись ко мне, и я сразу же с тобой разведусь! Подам прошение его величеству и не успокоюсь, пока не стану свободной!» — повторяла мысленно. Вслух же продолжала произносить уже заученные наизусть слова.

Опьяненная, изможденная, из последних сил тянулась я к окружавшему меня огню, пытаюсь почерпнуть из своей стихии силу. Надеюсь наконец его увидеть или хотя бы его почувствовать.

В какой-то момент почудилось, будто в зеркале что-то промелькнуло. Какая-то тень, вытеснившая мое отражение и постепенно приобретающая очертания мужа. Его лицо — усталое, напряженное. Глаза — опасные, бездонно-черные, словно он был и не человеком вовсе, а самым исчадием мглы.

Первым порывом было броситься к нему. Но вместо этого я, наоборот, отползла подальше. Зажмурилась, кажется, на один короткий миг. А когда открыла глаза, де Шалон исчез. На подернутой туманом зеркальной глади почерком мужа было выведено одно-единственное слово.

Серен.

Утром виски ломило, мысли растекались в голове, как какая-то жижа, и я не была уверена, на самом ли деле видела стража или же мне все только привиделось.

Мадлен, заставшая хозяйку свернувшейся калачиком поперек кровати, с нераспушенными волосами, в панталонах и нижней рубашке, выразительно завздохала и, пока раздвигала шторы, а потом совала мне в руки бокал с водой, все косилась неодобрительно на полупустую бутылку, оставленную на полу.

Заверив ее, что в ближайшее время в мои планы не входит превращаться в алкогольичку и что вино мне требовалось для одного очень важного дела, попросила подать скорее завтрак. И какого-нибудь живительного настоя, который бы приглушил боль, острыми иглами коловшую виски.

В последний раз укоризненно покачав головой, служанка ушла. А я рухнула обратно на подушки и уставилась в потолок немигающим взглядом.

Что это такое ночью было? Моран решил исповедаться? И почему связь так быстро прервалась? Была ли причина во мне, или же я что-то неправильно делала... Может, он исчез, потому что я испугалась?

А попробуй тут не испугаться, глядя в глаза своему предполагаемому убийце. Беззаветно влюбленный, демон его побори! Вот пусть и катится к своей обожаемой Серен!

Нет, конечно, я не думала посылать бессовестного муженька в могилу. Несмотря на всю злость и обиду, в глубине души радовалась, что страж не погиб. Теперь, главное, как-то вырвать его из цепких ручек Опаль, и можно будет поднимать тему развода.

Я несколько не сомневалась, что де Шалон находится в плену у чокнутой стервы. И надеялась, что с этой проблемой мне тоже поможет мэтр Легран. Уж не знаю, что бы я без него делала...

Вскоре вернулась Мадлен. Вместе с завтраком и запиской от той самой чокнутой стервы. Опаль рассыпалась передо мной в любезностях и спрашивала, где мы можем встретиться, дабы обсудить «одно деликатное дело, касающееся небезызвестного нам обоим господина».

Приглашать эту змею к себе домой я поостереглась. Ехать в ее логово во второй раз было бы неосмотрительно. Посему решила, что лучше всего будет встретиться на нейтральной, так сказать, территории. Там, где всегда толкалась уйма народу, — в королевском дворце. Мне в любом случае придется наведаться в Анфальм, чтобы в самой вежливой форме отказаться от почетной должности королевской «болонки».

Надеюсь, ее величество не обидится.

Наметив план на день грядущий, принялась цедить маленькими глотками горькую настойку и постепенно возвращаться к жизни.

Свидание с маньячкой-герцогиней было назначено на вторую половину дня. Я рассчитывала прежде увидеться с мэтром Леграном, рассказать ему о проведенном накануне

ритуале, а также о состоявшейся и грядущей встрече с Опаль. Возможно, маг подскажет, как вести себя с психопаткой, или еще лучше — согласится меня сопровождать. Несмотря на кратковременность нашего знакомства, в этом всегда таком суровом на вид, но обладающем добрым сердцем человеке я находила отеческую поддержку, которой была лишена на протяжении долгих лет.

Стоило так подумать, как в памяти воскрес образ отца, беспробудным сном спящего в пустой, наполненной сумраком комнате. Я бы все отдала, чтобы понять причину его болезни, и еще больше, чтобы его пробудить.

По дороге в коллеж решила на всякий случай заглянуть домой к мэтру. Вдруг удастся застать его там. Если же господин Легран не обнаружится ни у себя, ни в учебном заведении, придется отправляться в Анфальм пораньше и искать его в галереях королевской резиденции.

На стук дверного молотка прибежала зареванная служанка. Та самая, что заботилась обо мне, пока я гостила у мага.

— Исет, что-нибудь случилось? — Внутри возникло тревожное предчувствие, стремительно перерастающее в страх.

— Да, мадам, случилось, — посторонившись, ответила женщина и истерически всхлипнула. — Мэтра арестовали. На рассвете сюда явилась стража. Все что-то искали... Какие-то доказательства...

На Исет было больно смотреть.

— Доказательства чего?

— Мэтра обвиняют... — заплакала еще горше. — Обвиняют в том, что это он якобы призывает в Навенну демонов. Из разговоров солдат я поняла, что его держат в Фор-Левеке. А больше мне ничего не известно.

Мне показалось, что земля уходит из-под ног. Прислонившись к массивной двери, я стояла, не в силах пошевелиться, и бессмысленно смотрела, как подрагивают плечи убитой горем женщины.

Легран и демоны? Бредовее ничего не могли придумать? Нашли козла отпущения.

— Произошла ошибка, — когда шок прошел, постаралась успокоить Исет и в первую очередь саму себя. — Уверена, очень скоро это ужасное недоразумение разрешится.

Мрачно добавив про себя:

«Главное, чтобы «недоразумение» не разрешилось на Льенской площади на очищающем костре».

— Уже сообщили родным мэтра?

Кажется, у Леграна была дочь.

Всхлипнув, служанка проронила:

— Я сразу же отправила гонца. — По тому, как задрожал ее голос, поняла, что из глаз бедняжки, окруженных мелкими морщинками, сейчас польются слезы. — Как представлю, что он там, в этой жуткой крепости...

— Не знаете, кто стал инициатором ареста?

Исет покачала головой. Спohватившись, что в прихожей у нее находится знатная дама, стала зазывать меня в гостиную на чашку чая. Но мне сейчас было не до чаепития.

Мало того что не знаю, как спасти негодяя-стража, так еще и мэтр Легран оказался в беде. По какой причине — неизвестно. По чьему приказу схватили — тоже.

Говорят, в Фор-Левек можно попасть в двух случаях: либо в качестве исповедника, либо в роли заключенного. Ни тем, ни другим я не являлась, а поэтому, скорее всего, мне туда путь заказан.

Домой возвращалась с тяжелой головой и противно ноющим сердцем. Пожилой маг был единственным, с кем я была знакома в столице, кроме де Шалона и его злопамятной бывшей любовницы. Единственный, к кому могла обратиться за помощью. А вот кого просить, чтобы помог с вызволением мэтра, — я понятия не имела.

Разве что попробовать обратиться к королеве. Вроде бы государыня ко мне благоволит. Но если откажусь от предложения стать придворной дамой, о королевской благосклонности можно будет забыть.

У ворот отеля Ла Рийер красовалась черная карета с гербом благоверного — двуглавой птицей, стремительно летящей навстречу своей добыче. Увидев экипаж, я испытала двойственное чувство: надежду увидеть стража и страх перед ним.

Которые вскоре вытеснило нечто, очень похожее на разочарование: вместо Морана меня встретил шевалье де Лален. Как всегда, изящно и со вкусом одетый. В костюме миндального цвета, богато отделанного позументом и украшенного роговыми пуговицами. Дополняла франтоватый наряд светлая шляпа с коричневыми перьями, нахлобученная на пышный парик. Тонкие усы молодого щеголя были завиты по последней моде.

Единственное, чего не хватало, — так это лучезарной улыбки, коей Касьен встречал меня в Валь-де-Манне каждое утро. Лицо его хранило отпечаток беспокойства, совершенно ему не свойственного.

Пресветлая Витала! Еще одного потрясения я уж точно не переживу.

— Что-нибудь случилось? — оставив приветствия, спросила тихо и на всякий случай оперлась на инкрустированный столик, так кстати подвернувшийся под руку.

Де Лален галантно поклонился, стащив с головы шляпу, и только после этого проговорил:

— Наверное, это мне следует интересоваться, все ли у вас в порядке, дорогая Александрин. Я ждал, что Моран явится в Валь-де-Манн. Мы собирались вместе отправиться в семейную усыпальницу... — Молодой человек осекся и, стусевавшись, отвел взгляд.

— Усыпальницу? Зачем?

— Два дня назад исполнился год со дня гибели вашей кузины, — печально возвестил де Лален. — Моран не мог забыть, не мог не приехать. Вот я и забеспокоился. Мчал в Навенну как сумасшедший, подгоняемый плохим предчувствием. Я привык доверять своему чутью, знаете ли. А оно вот уже который день твердит, что мой брат в беде. Александрин! — Мужчина шагнул ближе, словно испугался, что столик — шаткая опора и я вот-вот упаду в обморок. — Вы так побледнели. Скажите, что произошло?

Серен, Серен, Серен! Даже с того света кузина ухитряется отравлять мне жизнь.

Интересно, может, Моран потому и написал на зеркале ее имя? Наверное, хотел, чтобы я вместо него заглянула в семейный склеп, проведала его любимую маркизу.

Я разозлилась:

— Хотите знать, что произошло? Что ж, сейчас расскажу. Но сначала поведаю о том, что должно было произойти по плану стража и почему ваш брат сделал меня своей женой. Пойдемте! — Схватив ошарашенного родственничка за руку, потащила его в кабинет маркиза.

ГЛАВА 3

Касьен слушал меня, не перебивая. Нервно ерзал в кресле и затравленно косился на дверь. Наверное, надеялся сбежать от нелицеприятной правды. Правды о человеке, которого боготворил.

Мне было сложно оставаться на месте. Смотреть в глаза мага, в которых отражались все его эмоции: начиная от неведения и заканчивая всепоглощающим смятением. Расхаживая по комнате, в которой так любил уединяться мой муж, я рассеянно замечала то припыленные стеллажи, полные книг, надежно защищенных от постороннего посягательства охранными чарами. То шторы насыщенного охрового цвета с ламбрекенами, отороченными золотой бахромой. Порой взгляд останавливался на столе с гнутыми резными ножками, на котором мы со стражем еще совсем недавно предавались радостям любви. От одной только мысли щеки залил румянец, и я поспешила отправить непрощенные воспоминания в самые потаенные уголки памяти.

— Этого не может быть! — Не сразу у шеваля прорезался голос.

— Вы мне не верите? — Прервав свое хождение по комнате, обернулась к нему.

— Нет, просто... Мы ведь говорим об одном и том же человеке? — с глупым видом спросил щеголь.

— Об одном! — воскликнула, раздраженная недоверием Касьена. — Вашего родственника интересовало исключительно мое тело, в которое он планировал переселить душу Серен. Наверное, Единая наказала его с помощью герцогини, и, по-хорошему, мне следовало прекратить поиски...

— Но тем не менее вы надеетесь его спасти, — исподлобья глянул на меня молодой человек.

— Чтобы передать в руки королевского правосудия.

— И только?

Запнулась лишь на долю секунды, после чего решительно выпалила:

— И только!

Некоторое время де Лален молчал. Теревил свою жиденькую бородку и все смотрел куда-то вдаль, сквозь меня, о чем-то напряженно размышляя.

Наконец, приняв решение, твердо сказал:

— На встречу с герцогиней мы отправимся вместе.

От сердца сразу отлегло. Я очень боялась, что Касьен мне не поверит или начнет отговаривать, решив, что это бестолковая затея. Увы, кроме оной, никаких других идей в запасе не было.

— Но, по правде говоря, я уже заранее готов не поверить ни единому слову этой мегеры. Опаль всегда была очень скользкой. Хитрой и лживой.

— Может, решила пойти на попятную, испугавшись вызова на поединок? — с сомнением предположила я.

Шевалье неопределенно пожал плечами.

— Поговорить с ней, конечно, стоит. Но сразу после этого мы отправимся на встречу с тем, кто уж наверняка знает, где держат Морана. Главное, чтобы тень захотела с нами откровенничать.

Тень? Я нахмурилась.

— Касьен, о ком это вы? Кто, кроме Опаль, может знать, где сейчас находится страж?

— Сегодня ночью я проведу вас в самое древнее святилище Вальхейма, мадам. В самую Альнею! — торжественно провозгласил шевалье и загадочно улыбнулся. — Вы познакомитесь с местом, полным небывалого могущества, пленниками которого являются демонические сущности всех стражей нашего королевства. Встретитесь с темной ипостасью вашего мужа.

Еще более темной, чем та, с которой уже успела познакомиться и прожила в браке несколько никчемных месяцев? Не уверена, что жажду нового знакомства.

Вздвигнув, отвернулась от де Лалена.

Стоя возле окна, наслаждаясь ласковым прикосновением рассветных лучей к лицу, чародейка что-то довольно мурлыкала себе под нос. Серен уже почти нравился новый облик: тонкие черты лица и такая трогательно-хрупкая ладная фигурка.

Говорят, блондинки нынче в моде при дворе...

Хотя для де Грамона, прошлым вечером явившегося по приглашению герцогини во дворец д'Альбре, встреча с возлюбленной в теле Опаль стала настоящим сюрпризом. И далеко не самым приятным. На лице стража отразились шок и разочарование, и первые мгновения он стоял, не способный пошевелиться, не решаясь заключить любимую в объятия.

— Только не говори, что тоже успел плениться смазливой мордашкой моей кузины, — погасив вспышку ревности, наигранно-безразличным тоном проговорила Серен. Мягко покачивая бедрами, приблизилась к стражу.

— Просто я не ожидал увидеть тебя в *этом* теле. Опаль была той еще негодяйкой, — ошарашенно пробормотал Адриен.

— Ее уже нет, — равнодушно передернула плечиками кокетка и обольстительно улыбнулась. — Зато есть я. Разве тебе не хочется меня поцеловать? — Легким мановением руки герцогиня распустила ленты своего воздушного наряда, под которым пряталось ее новое нагое тело.

Взяв руку стража, встала к нему вплотную, накрыла ладонью любовника свою округлую маленькую грудь и прошептала томно:

— Я по тебе скучала, милый. По безумным ночам, которые мы провели вместе, упиваясь друг другом до самого рассвета.

Де Грамон растерянно оглянулся на двери, что вели в покои ее светлости, и чуть хриловатым голосом проговорил:

— А как же твой... хм, муж?

— Боишься этого кретина? — беззаботно рассмеялась Серен. — Я бы еще поняла твой страх перед Мораном. Но не перед д'Альбре.

— Что с ним? — спросил страж, имея в виду давнего приятеля, дружбу с которым без сожаления променял на любовь к его жене.

— Спрятан в надежном месте. До поры до времени. Пока его высокопреосвященство не решит, что с ним делать.

— Ты играешь с огнем, Серен. — В глазах де Грамона промелькнула тревога за жизнь той единственной, любовь к которой пленила его разум и сердце.

— Так интересней. А иначе зачем жить? — Герцогиня прижалась к магу теснее, нашла губами его губы, ощущая, как под ее руками напрягается сильное мужское тело и их обоих охватывает возбуждение...

...На следующее утро страж кардинально поменял свое мнение. Теперь он находил интригующим сочетание ангельской внешности и огненной страстности в своей любовнице. Внешне холодная хрупкая блондинка с повадками хищницы, обладавшая какой-то демонической обольстительностью.

Не обнаружив рядом с собой спящей возлюбленной, Адриен приподнялся на локтях и поискал ее взглядом. Улыбнулся, увидев Серен, стоящую к нему спиной. Скользнул взглядом по ее нагому телу, обласканному розовыми лучами рассвета. По окутавшему плечи шелку волос, осиной талии, упругим ягодицам, чувствуя, как желание просыпается в нем, и все мысли только о том, как он будет ласкать губами маленькие розовые соски, врываться в жаждущее его лоно, собирая с губ красавицы стоны удовольствия.

Не желая откладывать то, чем можно было заняться уже сейчас, страж бесшумно поднялся и приблизился к герцогине. Обнял ее сзади, коснулся поцелуем острого плечика, наслаждаясь запахом нежной, точно лепестки роз, кожи и теперь отчетливо понимая, почему Моран в свое время польстился на эту оболочку.

Им всегда нравились одни и те же женщины. Жаль, конечно, что Серен не досталось тело Цветочка — так Адриен мысленно называл Ксандру, — которым он уже не раз обладал в своих дерзких фантазиях. Но это, как оказалось, стало удачной альтернативой.

— О чем думаешь?

— О своей силе, — промурлыкала герцогиня.

— Нужна помощь?

Серен подбросила в воздух золотую монетку, окутанную едва различимым мерцанием чар, и, ловко поймав ее, приложила к губам, словно целовала на счастье.

— Это лишнее. Скоро кузина сама добровольно отречется от дара, передав его мне. Ну, почти добровольно, — обернувшись, закончила шепотом, и со всей только ей свойственной страстью ответила на поцелуй стража.

Вчера, получив письмо от ее величества, я ломала голову над тем, как отказать от должности фрейлины, при этом не задев чувств правительницы. Сегодня же, идя по зеркальной галерее Анфальма к покоям Франсуазы Алайетт Илланской, инфанты Иллании — королевства, граничащего с Вальхеймом на севере, понимала, что мне придется согласиться на ее предложение.

Без связей никогда не узнаю, почему арестовали Леграна, и уж тем более не смогу ему помочь. К тому же нужно, чтобы государыня походатайствовала за меня перед его величеством и кардиналом. Только в их власти было даровать мне свободу, и только тогда я смогу навсегда порвать с прошлым.

Сожгу все мосты, соединившие мою судьбу с судьбой стража.

Шевалье де Лалену пришлось остаться в галерее, в компании своего угрюмого отражения и двух молчунов-стражников. Ее величество была категорически против присутствия мужчин на своей половине, что располагалась в самой старой части дворца и представляла собой анфиладу из восьми комнат. Окнами каждая выходила на Мраморный двор, замощенный мрамором с замысловатым черно-белым узором. В погожие солнечные дни в нем отражалось великолепное здание Анфальма.

Миновав роскошно убранный салон, в котором обычно принимала приближенных королева, я задержалась в аванзале, задрапированном зеленой парчой, и стала смиренно ждать, когда по велению государыни лакеи распахнут передо мной двери в королевскую опочивальню. Именно там любила уединяться Алайетт со своими подругами-фрейлинами и коротать время за чтением преданий о Единой.

Доложив о прибытии маркизы де Шалон, слуга с поклоном пропустил меня в спальню королевы, полную знакомых лиц. До моего появления милые дамы, сгрудившись вокруг правительницы, наперебой подпитывали ее новостями или, точнее, свежими сплетнями. Но стоило новенькой переступить порог, как голоса стихли. Девушки слаженно повернули головы в мою сторону, смерили настороженно-изучающими взглядами. Наметанным глазом оценили и скромные украшения, и темный наряд с аппликациями в виде серебряных цветов.

— Разве вы в трауре, маркиза? — подала голос одна из прелестниц, миниатюрная шатенка по имени Жанна.

«Можно и так сказать», — горько усмехнулась про себя. Впору было устраивать панихиду по своему разбитому сердцу. Жаль, на то, чтобы как следует пострадать, времени пока нет. Возможно, потом, когда все закончится...

Я присела в низком реверансе и не поднимала глаз, пока ее величество не проговорила:

— Присаживайтесь рядом со мной, Александрин. Поведайте нам о вашей пропаже, мессире маркизе. В последние дни все только о нем и говорят.

— Его светлость был вынужден покинуть Навенну по неотложным делам...

— Врешь, врешь, врешь! — неожиданно перебил меня карлик, до сих пор не принимавший участия в разговоре.

Он сидел на маленьком табурете у ног правительницы и меланхолично трепал по лоснящейся холке спящего дога. Кажется, карлика звали Деде, и он был любимым шутком ее величества. Не менее любимым, чем черная, в данный момент сладко похрапывающая псина, размерами больше наминавшая пони, и юные красавицы-фрейлины, которыми так любила окружать себя правительница.

— Деде всегда чует вранье! — громко воскликнул шут, вскакивая с места. Скорчив гримасу, показал мне язык, отчего его и без того уродливое лицо стало еще безобразнее.

Одет карлик был в пестрый костюм, весь расшитый монетками, который украшало большое жабо, из-за чего создавалось впечатление, что у Деде отсутствует шея. Голова же казалась непомерно большой за счет разноцветного колпака

с раздвоенной верхушкой, напомилавшей рога, украшенные на концах бубенчиками.

— Ты смущаешь нашу гостью, Деде, — с мягкой улыбкой осадил шута королева.

— Деде не любит лгунов! — уперев руки в боки, заклеил меня вредный коротышка и с явно фальшивым негодованием сверкнул на меня своими выпученными глазищами.

Как будто мне не хотелось рассказать правду! Но не имея на руках доказательств, обвинять невестку кардинала было бы неосмотрительно, а может, даже чревато. Да и имея доказательства, пожалуй, тоже.

— И когда же маркиз покончит со своими неотложными делами и вернется к нам? — продолжила допрос правительница.

— Надеюсь, в самое ближайшее время, ваше величество, — смиренно ответила я.

С опаской покосилась на карлика, ожидая очередной шпильки в мой адрес, но тот только корчил рожи и время от времени поглядывал в мою сторону.

— О вас, дорогая маркиза, в последнее время при дворе говорят даже больше, чем о беглеце-страже, — вступила в разговор другая фрейлина, что сидела со мною рядом.

— И что же говорят?

— Оказывается, восемь лет назад вас признали бессильной. А теперь, как выясняется, вы владеете стихией огня.

— Мессиру маркизу везет на огненных красавиц, — не дав мне вставить и слова, хихикнула неугомонная Жанна, уже не раз пытавшаяся задеть меня за живое, и всякий раз удачно.

— Расскажите нам о себе, — попросила королева. — До недавнего времени никто и не подозревал о существовании мадемуазель ле Фиенн, и вот вы супруга одного из самых могущественных чародеев Вальхейма. Вы, Александрин, — настоящая загадка, которую многим придворным не терпится разгадать.

— А некоторым за этой загадкой и приударить, — вставила реплику совсем еще юная девица в обильно украшенном рюшами розовом платье.

Фрейлины поддержали шутку, дружно расхохотавшись.